
ПРИРОДООХРАННЫЕ ТРАДИЦИИ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ

УДК 349.6(571.53)(09)
ББК 87.407.2(253.5)г

И.В. КУРЫШОВА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕСНИЧЕСТВ ПО БОРЬБЕ С САМОВОЛЬНЫМИ ПОРУБКАМИ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

На основе исторических источников изучается деятельность лесничеств по борьбе с самовольными порубками в Байкальском регионе в конце XIX — начале XX в. Рассматриваются порядок преследования самовольных порубок, процедура оформления протоколов, меры наказаний за самовольные порубки, проблемы рассмотрения дел о лесонарушениях мировыми судьями.

Ключевые слова: самовольные порубки, лесничества, Байкальский регион, административные взыскания, мировые судья.

I. V. KURYSHOVA

FOREST DISTRICTS ILLEGAL FELLING COUNTERMEASURES IN THE BAIKAL REGION IN THE END OF XIX — BEGINNING OF XX CENTURY

The article studies forest districts illegal felling countermeasures in the Baikal region in the end of XIX — beginning of XX century on the ground of historical sources. The author considers illegal felling prosecution and reporting procedures, illegal felling punitive measures, and problems of illegal felling case-handling by commissioners problems.

Keywords: illegal felling, forest districts, Baikal region, administrative punishment, commissioner.

Из-за удаленности от центра, малочисленности населения, неразвитой инфраструктуры, обособленности региона и наличия огромных лесных ресурсов, казавшихся неисчерпаемыми, на Сибирь не распространялось большинство норм лесопользования, принятых до конца XIX в. Не раз сибирская администрация обращалась к правительству с предложениями по принятию мер к сбережению лесов региона, но не находила понимания. До середины XIX в. не проводилось даже сколько-нибудь значительных исследований лесных пространств региона.

Лишь в конце XIX в. лесоохранная деятельность в Байкальском регионе активизируется. С 1895 г. в регионе начинается процесс формирования лесничеств [4, с. 187]. С образованием лесничеств казенные леса Иркутской губернии и Забайкальской области были переданы в ведение Лесного Департамента, что означало распространение общероссийского лесного законодательства на территорию Байкальского региона и создание организационных структур по образцу Европейской России. Природоохранная деятельность лесничеств включала в себя ряд направлений, среди которых основными являлись лесовозобновление, охрана т.н. «защитных лесов», контроль за отпуском леса, борьба с самовольными порубками и лесными пожарами.

Самовольная порубка в документах определяется как несанкционированное владельцем пользование лесными материалами в виде похищения из леса растущих деревьев, их частей, валежника, также расчистка лесных угодий, порча растущих деревьев, переруб по количеству и сортаментам при разрешенной рубке более чем на 10 %, продажа бесплатно или по льготной цене отпущенного леса лицом, не имевшим права на льготу [6, с. 18].

Статистические данные показывают, что в конце XIX — начале XX в. в Байкальском регионе наметилась устойчивая тенденция сокращения лесных массивов. Одной из основных причин увеличивающееся число самовольных порубок как в целом в крае, так и в отдельных лесничествах. Иногда масштабы порубок и ущерб от них были поистине огромны. Так, ревизия в Верхнеудинском лесничестве в 1909 г. обнаружила хищений леса за один 1908 г. на сумму на сумму 55 000 р. (по таксам 1902 г.). Оказалось вырубленным на местах заготовок и не оплаченным таксовой стоимостью до 25 000 куб. саж. леса [1, с. 35].

Порядок преследования самовольных порубок в Байкальском регионе в конце XIX — начале XX в. определялся Лесным уставом, законом от 7 апреля 1897 г. о взысканиях за лесные проступки и порядке ведения дел по этим нарушениям, Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Важную роль играл этап обнаружения самовольной порубки. Служащий лесничества должен был обмерить толщину пня, поставить на нем клеймо, номер протокола и год, записать все сведения в книгу и составить протокол. Правом составления протокола обладали лесничие, кондукторы, уполномоченные объездчики и лесники (последние — если сумма ущерба не превышала 25 р.). В протоколе, в котором обозначались сведения о месте, объеме, времени порубки, личности нарушителя, свидетелях и понятых, указывалась стоимость похищенного леса. Указание в протоколе места совершения лесонарушения определяло подсудность, а времени — срок действия давности и применение той или иной таксы, принимавшейся обычно на три года. Все эти данные в дальнейшем использовались при разбирательстве (судебном

или административном). Протоколы о проступках, нанесших убыток на сумму свыше 5 р. по казенной таксе, лесничие должны были отправлять к Управляющему Государственными имуществами, а по протоколам, где сумма убытка не превышала 5 р., представитель лесничества составлял на месте постановление о наложении взыскания в пользу казны. После составления протокола о лесонарушении начинался этап ведения дознания, розыскных, следственных мероприятий и судебного разбирательства или вынесения административного решения. Нарушитель, согласный с административным решением, мог внести штраф сразу или в течение двух недель, а также в рассрочку, о которой должна была быть сделана запись в постановлении. Кроме того, разрешалось, при согласии лесничего, отработать взыскание в лесничестве, в котором совершено нарушение. Уплату штрафа можно было производить в местном казначействе (нарушителям вручались платежные свидетельства), в кассе Лесничих, а также объявлявшему постановление лицу. В случае несогласия нарушителя с административной мерой наказания, дело разбиралось в общем порядке, установленном для дел о преступлениях и проступках против имущества и доходов казны [2, оп. 1, д. 5, л. 2].

В источниках зафиксированы многочисленные примеры вынесения наказаний за самовольные порубки, что, однако, свидетельствует и об обыденности этих нарушений. Вот некоторые из подобных примеров: «Мировой судья 2-го участка Иркутского уезда приговорил крестьянина села Мотского В. Боркова, уличенного в самовольной порубке, к выплате штрафа в пользу мест заключения 5 руб. и денежного взыскания в доход казны 17 р. 76 к., а в случае несостоятельности к аресту на 10 суток» [3, оп. 1, д. 2817, л. 1]; «В Байкальском лесничестве в марте 1908 году мещанин Леонов был обвинен в самовольной порубке казенного леса в количестве 70 штук бревен лиственничных и сосновых, а также 45 куб. саж. дров на сумму 25 р. 50 к., производимых в государственных пустопорожних дачах. Управляющий Государственными имуществами на основании ст. 793. Лесного Устава постановил: подвергнуть П. Леонова согласно ст. 158 Устава о наказаниях, ст. 193 Лесного Устава (1905 г.) денежному взысканию в размере 51 р., составляющих двойную стоимость леса по казенной таксе и секвестрованный материал обратить в пользу казны» [3, оп. 1, д. 1509, л. 5]. Представление о масштабах самовольных порубок можно получить, изучив табл. 1 [3, оп. 6, д. 54, л. 25, 43, 60, 79, 93, 116, 143].

Итак, только в 1903 г. к административной ответственности за самовольные порубки было привлечено свыше 300 человек, — в среднем по два нарушителя на одного казенного стражника. На каждого самовольного рубщика в среднем пришлось около 53 р. штрафа, что составляло в те годы довольно приличную сумму. В последующие годы тенденция сохраняется (табл. 2) [5, с. 101].

Таблица 1

**Административные взыскания за самовольные порубки
по лесничествам Иркутской губернии в 1903 г.**

Лесничество	Количество наказанных, чел.	Сумма взыскания, р.
Байкальское	34	971,27
Китойское	102	246,00
Знаменское	4	нет данных
Тулуновское	5	92,73
Ленское	38	409,22
Бирюсинское	21	262,00
Ангарское	119	15 005,00
<i>Итого</i>	323	16 986,22

Таблица 2

**Административные взыскания за самовольные порубки леса
по Иркутской губернии в 1904–1908 гг.**

Год	Число возбужденных дел	Сумма взысканий, р.	Средняя сумма штрафа за одно дело, р.
1904	325	7 806	24,02
1905	243	21 628	89,00
1906	317	12 256	38,66
1907	256	10 514	41,09
1908	584	51 270	87,80

Как видим, хотя сумма штрафов, взысканных с нарушителей, значительно варьируется по годам, она достаточно велика. Однако убытки от самовольных порубок значительно превосходили сумму штрафов. Иными словами, «самовольничать» было очень выгодно, так как в случае задержания нарушитель отделялся небольшим штрафом и легким испугом, а доходность самовольных порубок была очень высока.

Основная масса дел о лесонарушениях рассматривалась участковыми мировыми судьями, поскольку под их юрисдикцию попадали дела с размером ущерба до 300 р. [7, с. 175]. С точки зрения организации процесса судебное разбирательство у мирового судьи было простым по своему характеру, поэтому дела, как предполагалось, должны были решаться быстро. Однако ряд условий приводил к тому, что в канцелярии мирового судьи ежегодно оставалось большое количество нерассмотренных дел, в том числе и по лесным порубкам. «Лесные чиновники заявляли, что для успешности лесоохранных мероприятий достаточно просто рассмотреть все дела о самовольных порубках, копившиеся у мировых судей годами, и привести в исполнение приговоры и постановления по решенным делам», — отмечает М.О. Тяпкин [6, с. 20].

Медленное судопроизводство, недостаток чинов лесной стражи, огромные площади охраняемых лесов — все эти факторы формирова-

ли у населения устойчивое убеждение в безнаказанности самовольных порубок. Стремясь искоренить незаконную порубку в лесах, Лесничими предлагали меры по увеличению штрафов, так как доходы от самовольных порубок с лихвой компенсировали все существующие денежные взыскания. Частично эти меры могли решить проблему, но корень ее был в другом, — пока существовал спрос на древесину, пока была возможность выгодно реализовать незаконно срубленный лес, ситуация не могла быть кардинально исправлена. Таким образом, развитие неконтролируемых рыночных отношений наносило прямой урон лесному хозяйству Байкальской Сибири.

Несмотря на далеко не всегда эффективную работу лесничеств по охране лесов, следует признать, что их деятельность в целом явилась важным шагом вперед в процессе формирования системы рационального лесопользования Байкальского региона в условиях модернизации экономики и общества.

Список использованной литературы и источников

1. Великое переселение и лесная неурядица // Сибирские вопросы. — 1908. — № 29-30. — С. 35.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 157 (Байкальское лесничество).
3. ГАИО. — Ф. 176 (Управление государственных имуществ и земледелия Иркутской губернии и Забайкальской области).
4. Курышова И. В. Правовое регулирование лесопользования в Иркутской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. / И. В. Курышова. — Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. — С. 185–191.
5. Строгий А. А. О лесах Сибири / А. А. Строгий. — СПб. : Тип. СПб градоначальства, 1911. — 108 с.
6. Тяпкин М. О. Охрана лесов Томской губернии во второй трети XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. О. Тяпкин. — Барнаул, 2004. — 24 с.
7. Тяпкин М. О. Реализация функции государства по охране лесов в дореволюционный период / М. О. Тяпкин. — Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2016. — 187 с.

Информация об авторе

Курышова Ирина Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Author

Irina V. Kuryshova — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, National Research Irkutsk State Technical University, 83 Lermontov St., Irkutsk, 664074.